

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
МЕНТОВСКАЯ
КРЫША

АСТ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Потерянный родственник

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Потерянный родственник / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Иванович Леонов Алексей Викторович Макеев Потерянный родственник

Глава 1

Перфилов осторожно перелил коньяк из бокала в рот и, задержав дыхание, проглотил разом. Через минуту на лбу у него выступила испарина, в голове зашумело, и стало почти не страшно. Он немного подождал, пока тепло не разольется по телу, и небрежным жестом достал из кармана сигареты. Руки совсем не дрожали. Перфилова этот факт обрадовал больше всего. Дрожащие руки – это конец. Это хуже волчьего билета, хуже отрицательной характеристики с последнего места работы. Когда у тебя начинают дрожать руки, с тобой прекращают разговаривать лично и передают через секретаршу, что в твоих услугах временно не нуждаются, и это «временно» означает бесконечность.

До сих пор Перфилову удавалось обуздывать себя. Его никто не видел с дрожащими руками. Все и всюду знали про его грешок, но только понимающе усмехались в спину, потому что рука его не подводила, а он не подводил тех, кто платил ему деньги. По крайней мере, так было до сих пор, до того проклятого дня, когда все перевернулось вверх тормашками. Хорошо, что никто не видел, в каком дерьме он оказался и как в это время ходили ходуном его руки. Перфилов и сам уже не знал, от чего больше – от страха или от водки.

Впрочем, мозги у него еще, слава богу, работали, и Перфилов заставил себя не лукавить. Напугался он здорово, что там говорить, но главной причиной всех неприятностей была водка – самому себе в таких вещах нужно признаваться откровенно. Другим необязательно, но про себя нужно знать – ему не удастся контролировать свое состояние. А это уже, как говорится в народе, финиш.

Что-то похожее случалось и раньше, но Перфилов предпочитал не сосредоточиваться на провалах в памяти, на мелких и не очень скандалах, на потерянных деньгах, испорченных костюмах – потери, конечно, были, но Перфилов выкручивался и превращал все в шутку. И вот – шутки кончились.

Пожалуй, можно даже было назвать точную дату этого знаменательного события, но сам Перфилов никак не мог этого сделать. Все произошло на этой неделе – он как раз всю эту неделю беспробудно пропьянствовал, и большая часть фактов ускользнула из памяти, как рыба из дырявого невода.

Что же произошло? Именно это Перфилов пытался осмыслить, забравшись в незнакомый бар на окраине. Он никого здесь не знал, и его никто здесь не знал. Именно то, что нужно. Трудно сказать, насколько это убежище надежное, но пока все шло чудесно – Перфилов смог успокоиться и даже слегка расслабиться. Коньяк в этом смысле творит чудеса. В разумной дозе, конечно. Но Перфилов на этот раз не собирался выходить за границы разумного – с него хватит. Впрочем, до границ еще далеко – он ведь только начал.

Перфилов подозвал бармена и заказал еще одну порцию. Равнодушный, ко всему привычный бармен – лысый, похожий на вышедшего в тираж тренера – молча наполнил бокал. Перфилов сейчас был даже рад такому равнодушию, оно воодушевляло его.

Он без колебаний выпил, закурил еще одну сигарету и вполне благодушно посмотрел по сторонам. В интимном полумраке зала плавали туманные розоватые фигуры – почему-то большинство из них были женскими. Перфилову приглянулась одна – независимая, коротко стриженная брюнетка с большими глазами и хищным разрезом рта. На ней было багровое, с

металлическим отливом платье в обтяжку. Она без конца курила и частенько навевалась к стойке бара. Впрочем, ни пьяной, ни вульгарной она не казалась. Самостоятельная, раскованная женщина – такие Перфилову всегда нравились. А сейчас, после пережитого кошмара, ему было просто необходимо маленькое утешение или развлечение – это уж понимай кто как хочет.

Вообще-то всего минуту назад он думал совсем не об этом. Минуту назад Перфилов как раз собирался заняться анализом и попытаться понять, что с ним случилось и что ждет его впереди. Но эти благие намерения развеялись быстрее, чем дым от сигареты. Коньяк придал Перфилову уверенности и направил мысли в привычном направлении.

Единственное, чем он на этот момент озаботился, – это попросил у бармена добавки. Перфилову не хотелось упускать ощущения надежды, которое давало опьянение. Кому, как не ему, было знать, насколько оно мимолетно, это ощущение.

Деньги в бумажнике, как ни странно, еще были. Сам по себе этот факт удивления вызвать не мог – два дня назад Перфилов срубил хороший куш и на какое-то время мог чувствовать себя богачом. Смушало то, что после всех передраг большая часть «капусты» осталась целой. Перфилов воспринял это как подарок судьбы.

Допивая коньяк, Перфилов на короткий миг все же почувствовал что-то вроде угрызений совести – было похоже, что он снова заигрался, – но мысленно отмахнулся и призвал себя не огорчаться. Брюнетка опять появилась в поле его зрения.

Перфилов передвинулся вдоль стойки и оказался так близко от женщины, что без труда смог вдохнуть запах ее духов. Как и ожидалось, духи были возбуждающие, с жарким, нетерпеливым оттенком, с предвкушением безудержной и беспощадной страсти – ночь в Тунисе, пустыня Сахара, след босой ноги на песке...

Перфилов хотел поймать взгляд женщины, но она упорно не смотрела в его сторону, и тогда он, уставившись на нежную смугловатую кожу ее щеки, сквозь которую едва уловимо просвечивал жар естественного румянца, сказал развязно и совсем не остроумно – первое, что пришло в голову:

– У меня к вам предложение. Давайте будем дружить домами!

Черные жгучие глаза наконец-то сосредоточились на Перфилове, но с таким отвращением и тоской, что весь пыл его и благодушные улетучились. Он еще по инерции пробормотал:

– Нет, ну, в самом деле... Вот мне, например, кажется, что у нас с вами много общего. Вы посмотрите на меня внимательнее! Мы с вами тут вроде как два одиночества... В таких случаях самое лучшее – это сразу же познакомиться. Когда вы узнаете меня поближе...

– Пошел-ка ты на ..., урод! – вполголоса прошипела ему в лицо женщина и тут же, резко обернувшись, почти истерично выкрикнула в полутемный зал: – Марек, тут какой-то лимитчик клеится! Может, пошевелишься?

Теперь она уже не казалась Перфилову ни прекрасной, ни загадочной, ни даже самостоятельной, поскольку во всем полагалась на неизвестного Перфилову, но уже крайне ему несимпатичного Марек из темного прокуренного зала.

Он оглянулся – женщины рядом уже не было. Зато теперь к стойке направлялся невысокий, но крепенький, как боровичок, парень в курточке из тисненой кожи. Он шел ленивой, но уверенной походкой, ни на секунду не сводя с Перфилова пристального, полного превосходства взгляда.

И еще один неприятный взгляд поймал на себе Перфилов – бармен рассматривал его из своего угла с нескрываемым злорадством. «Дорогу я им тут перешел, что ли?» – с досадой подумал Перфилов. Никакого душевного подъема, столь необходимого перед дракой, он не испытывал – напротив, его опять охватили страх и усталость. Он мрачно уставился на приближающегося Марек, пытаясь понять, насколько случайна их встреча, и не является ли она прямым продолжением обрушивающихся на него неприятностей. Пьяный мозг плохо справлялся с этой задачей, и никто не торопился прийти ему на помощь.

Марек подошел и навалился на стойку грудью. Теперь он не смотрел на Перфилова. Теперь он разговаривал.

– Что, папаша, приключений на свою жопу ищем? – довольно добродушно спросил он, пока бармен привычно наливал ему в стакан что-то прозрачное, с масляным блеском.

Перфилов был озадачен – из подросткового возраста он, конечно, давно вышел, но и на папашу, как ему казалось, еще вовсе не претендовал. Что этот сопляк себе позволяет? Впрочем, это праздный вопрос – он может себе позволить все, что угодно, потому что он здесь свой, а Перфилов – чужой, и ему лучше молчать в тряпочку.

– Пардон, – сказал он. – Вышло недоразумение. Обознался. У меня неприятности, понимаете? Все валится из рук. Черная полоса пошла – и ничего не поделаешь.

– А тут и делать ничего не надо, – заметил Марек, отхлебнув из стакана и с интересом уставившись на Перфилова. – Домой надо идти, папаша. В постельку, и бай-бай. Это самое лучшее теперь, серьезно тебе говорю!

– Да-да, – с облегчением проговорил Перфилов и полез в карман за деньгами. – Сейчас расплачусь, схожу отолю – и домой. Все нормально. Прошу извинить, если ненароком кого-то обидел. Я ничего не имел в виду плохого.

Он бросил на стойку деньги и бочком направился к выходу. Никто его не преследовал. Перфилов нашел туалет и заперся в чистой, сверкающей кабелем кабинке.

– Ах ты, стерва! – с пьяной обидой бормотал он, делая свое дело. – А я так тебя полюбил!..

Он вышел, застегивая брюки. В помещении было пусто. Бликующий холодный свет отражался от белых стен. Из настенного зеркала на Перфилова надвинулась чья-то диковатая тень. Он присмотрелся и узнал свое собственное отражение.

В общем, у Марекы были основания зачислить его в папашу – это следовало признать и смириться. Из зеркала на Перфилова смотрела опухшая, землистая, покрытая двухдневной щетиной физиономия. Редкие спутанные волосы слиплись на лбу, глаза казались бесцветными и бессмысленными. Если прибавить к этому помятый, измазанный побелкой пиджак, то со всей беспощадностью возникала мысль – прав был не только Марек, права была и красотка в баре – выглядел сейчас Перфилов неважно. Такого не только лимитой, но, пожалуй, и бомжом наречь не грех. Почему-то ему казалось, что вид у него должен быть все-таки получше. Наивное заблуждение! Хорошо хотя бы, что на этот раз обошлось без насилия, без выбитых зубов и порванных лацканов. Этого Перфилов не выдержал бы – он и так уже на пределе. Ему бы сейчас на самом деле в постельку – может быть, даже выпить таблетку димедрола, чтобы покрепче отключиться и заспать весь этот кошмар. Но вот вопрос – а может ли он вернуться сейчас домой?

Эти два дня Перфилов не рисковал. Даром что не просыхал ни минуты, а сообразил, что дома его достанут в первую очередь. Сообразить вообще-то нетрудно было – когда он еще на автопилоте выруливал к Марине, в памяти уже всплывали какие-то обрывки кошмара – люди в черном, леденящий свист над ухом, безнадежный бег по ночным улицам. Наверное, уже тогда он поостерегся сразу отправляться домой. Но его отыскивали и у Марины. Он абсолютно не понимал, что происходит. Знал только, что дело плохо и нужно делать ноги.

Перфилов сполоснул лицо под струей холодной воды, тщательно утерся бумажным полотенцем – хорошо, здесь на этом не экономили. Хотя бар, безусловно, поганый. Ноги его здесь больше не будет. Перфилов подумал так, и у него немедленно засосало под ложечкой – чарующее действие алкоголя катастрофически быстро рассеивалось. Он опять оставался один на один со своим страхом.

Но вернуться к стойке бара у него уже не хватило духу. Перфилов сунул в рот сигарету и вышел на улицу. Было темно. Небо щетинилось мелким дождем. На асфальте блестели мокрые пятна. Перфилов тоскливо выругался, поднял воротник пиджака и побрел в сторону метро.

Устал он зверски. Нелепое происшествие в баре высосало последние силы. Перфилов подошел к тому пределу, когда ничто уже не имеет значения и хочется одного – забыться и ни о чем больше не заботиться. Для этого у человека есть дом. Что бы ни случилось, он идет туда и укрывается за надежными стенами от тягот мира. Сейчас Перфилову уже казалось, что последние два дня он просто валял дурака, потакая своим пьяным фантазиям. Конечно же, давно нужно было вернуться домой! И все встало бы на свои места. И запой прекратился бы гораздо раньше. Обычно больше одного-двух дней Перфилов не загуливал. На этот раз его вынудили перейти границы, вышибли из привычной колеи.

Но вот кто это сделал и зачем? Этот вопрос Перфилов задавал себе не впервые, но каждый раз, когда нужно было напрячь мозги, его что-то отвлекало, и он даже ни на шаг не приблизился к ответу.

Перфилов спустился в метро, механически прошел турникет и шаркающей походкой вышел на перрон. Из тоннеля полз горячий неживой ветер, от которого по спине бежали мурашки.

Перфилов не любил ездить на машине, хотя машина у него была. Настоячивый и довольно расторопный в жизни, Перфилов позорным образом терялся, оказываясь за рулем. Уличное движение ввергало его в панику и отчаяние. Машину он продавать не стал, но ездить предпочитал на такси. Сегодня он интуитивно выбрал метро. Смутное воспоминание из какого-то кинофильма подсказало ему, что преследователи часто подсовывают жертве такси с целью заманить в ловушку.

Но, в сущности, все это было настоящим бредом. Кому он мог понадобиться, обыкновенный фотограф? Ну, допустим, не совсем уж обыкновенный, конечно, но в Москве таких, как он, пруд пруди. Никаких сверхдоходов, никакой политики – модельные агентства второй руки, иллюстрированные еженедельники для недалеких девушек, немножко светской хроники в изданиях посерьезнее – вот и вся его бухгалтерия. Платят ему прилично, хотя не всегда регулярно. Скандальных снимков он старается избегать – с детства не любит получать по морде.

По морде ему, конечно, все равно дают, но в основном на почве беспорядочной личной жизни – обыкновенно это мужья и приятели его приятельниц. Такие мимолетные недоразумения Перфилова не слишком огорчали – во-первых, давали обыкновенно тогда, когда он был выпивши и слабо чувствовал боль, а, во-вторых, теперь, слава богу, не семнадцатый век – нарушения супружеской и прочей верности мало кто принимал всерьез. Поэтому били морду формально, без сильных эмоций – берегли их для бизнеса и творчества. То есть тот, кто сегодня давал тебе по морде, завтра мог столкнуться с тобой на улице нос к носу и ни хрена не узнать.

Теперь был не тот случай. Если бы мозги у Перфилова были хотя бы чуточку пояснее, он мог бы назвать все происходящее охотой. Но окончательные выводы он пока делать не решался. В конце концов, все могло ему пригрезиться. С пьяных глаз всегда мерещатся ужасы, и случайные, ничего не значащие факты могут сложиться в воображении в зловещую невероятную картину.

Все это так, но для очистки совести следовало хотя бы припомнить эти факты. Это было мучительное занятие, но Перфилов на нем сосредоточился. К счастью, в полупустом вагоне никто ему не мешал. Он забился в самый угол и, мрачно глядя сквозь стекло в плотную темноту тоннеля, стал вспоминать эти чертовы факты.

Первое воспоминание было приятным – он получил приличные деньги в модельном агентстве за выполненные заказы. Ему даже отпустили пару скупых комплиментов и выразили надежду на дальнейшее сотрудничество. Впереди были восхитительные часы настоящей свободы, которая определяется не только наличием свободного времени, но и непременным сопутствующим приложением в виде твердой валюты.

Сгоряча Перфилов набрал всякой снеди, дорогих бутылок и покатил к Марине. Да, к ней он поехал прежде всего и сразу. Потом было еще одно посещение, но еще более неудачное. Впрочем, обо всем по порядку.

Ему не повезло с самого начала. Марины дома не оказалось. Ну, конечно, он как-то совсем упустил из виду, что у нее могут быть свои дела. Эту неприятную подробность он всегда упустил из виду. Не в силах вынести разочарования, он позвонил ей в офис, уверенный, что в такой день продажа сотовых телефонов, которой занимались в этой конторе, не пострадает из-за отсутствия одного из менеджеров. Оказалось, что у Марины имеется своя точка зрения на этот вопрос. Они немного повздорили, но Марина осталась непреклонной и пошла на все, чтобы испортить Перфилову первый день свободы.

Он старался сдерживаться, и все-таки закончили они разговор на весьма повышенных тонах, и Перфилов остался один на один со своей свободой, сердитый и чувствующий себя ужасно глупо с пакетами в руках. Вот тут-то он пожалел об оставленной в гараже машине.

Судьба, однако, сжалилась над ним и послала на подмогу старого знакомого – Ваську Видюнина. Этот жизнерадостный циничный мужик подвизался в каком-то рекламном агентстве, был не дурак выпить и, кажется, даже в сортир ездил на своем любимом «Фольксвагене». Именно он тормознул в тот день рядом с растерянным Перфиловым и, с ходу вникнув в ситуацию, предложил поехать в Крылатское к какой-то хорошей знакомой. Перфилов согласился.

Но прежде чем добраться до знакомой, они нанесли еще два или три визита попутно – уже на втором сознание Перфилова начало туманиться, и единственное, что он хорошо запомнил, это презрительные рассуждения нетрезвого Видюнина о возможностях и способностях сотрудников ГАИ.

Почему его так развезло? Наверное, сказались усталость и нервное напряжение. Во всяком случае, думать именно так ему было удобнее. А похожие случаи вспоминать просто не хотелось. Да и не в том сейчас была суть.

Перфилов хорошо помнил, что, кроме пакетов с выпивкой и закуской, при нем были цифровая фотокамера – он вообще старался без фотоаппарата из дома не выходить, – мобильник, ну и, разумеется, бумажник с приятно хрустящими купюрами.

Следующее воспоминание, туманное и обрывочное, уже не фиксировало ни фотоаппарата, ни телефона, ни пакетов, вообще никакой ручной клади, кроме пачки сигарет, в которую он лазил едва ли не каждую минуту, блуждая по каким-то закоулкам, которые казались ему в ночной темноте загадочными лабиринтами, не имеющими никакого отношения к Москве, да и вообще к планете Земля. Разумеется, так ему только казалось – слава богу, в этот нелегкий период у него не возникло тяги к перемене мест. Просто память вернулась к Перфилову в самый неподходящий момент – среди ночи и в малознакомом районе.

Впрочем, что-то смутно ворочалось в подсознании – вроде и не такой уж это был малознакомый район, и попал он туда далеко не случайно. В некотором смысле его туда загнали. Но кто и почему и что он там делал? Этого Перфилов объяснить не мог. Убегал он от преследователей как раз там – в кривых закоулках. Может быть, это была Таганка? На него напали словно из-под земли, и спасся он чудом. Или все-таки он ждал этого нападения?

Голова Перфилова почти закипала от напряжения. Воспоминания ничего не проясняли, а только вызвали чувство гадливости и отчаяния. Наверное, пора всерьез подумать о том, чтобы закодироваться. У него начинаются кошмары.

И все-таки, когда он выпутался из тех проклятых закоулков, он что-то чувствовал и потому отправился не домой, а опять попытался найти убежище у Марины. Была глубокая ночь, и никакие свои дела не могли помешать ей приютить Перфилова. Во всяком случае, он на это крепко рассчитывал.

Но и на этот раз все получилось не так, как было задумано. Во-первых, радости его появление не вызвало. Перфилов сгоряча заподозрил присутствие другого мужчины, но при-

чина, разумеется, была в нем – растерзанный, пьяный, несущий какую-то околесицу, он представлял собой неаппетитное зрелище. Правда, эта простая мысль посетила Перфилова слишком поздно. Остаток ночи они с Мариной провели во взаимных упреках. Кажется, она даже не пожелала выслушать леденящие душу подробности о его приключениях, и это Перфилова очень обидело. Впрочем, он не уверен, что мог изложить их достаточно связно, потому что перед тем, как заявиться к Марине, одолел бутылку вина в какой-то подвернувшейся ночной забегаловке.

Далее опять все покрывалось туманом. Возможно, он заснул за кухонным столом. Когда утренняя дрожь вернула его к жизни, в квартире было тихо – видимо, Марина, пресытившись бессмысленной беседой, ушла в спальню. Едва брезжил рассвет. В окно была видна пустая, покрытая тоскливым сумраком улица. Перфилов хотел заглянуть в ванную комнату и в этот момент услышал, как кто-то осторожно копается в замке входной двери. Его прошибло ледяным потом, но он нашел в себе силы посмотреть в дверной глазок. Тот оказался залеплен.

С трудом удерживая в себе желание закричать от ужаса, Перфилов разбудил измученную Марину и шепотом попросил вызвать милицию. Она восприняла это как очередную блажь, особенно когда Перфилов попутно выразил желание немедленно покинуть квартиру через балкон. Положение было пиковое. Ужас терзал Перфилова. У него уже не было сил ничего доказывать. В конце концов Марина почуяла что-то неладное и пошла проверить дверь. В это время Перфилов без стеснения перебрался с ее балкона на соседний – благо, что дверь там была открыта, – и умудрился выйти на лестничную площадку, даже не разбудив соседей. Ему невероятно везло, как может везти только крепко пьющим людям. Задним числом все это выглядело, конечно, ужасно, и, вспоминая сейчас обо всем, Перфилов испытывал невыразимые муки, но, как говорится, из песни слова не выкинешь.

В результате он оказался в другом подъезде, где почувствовал себя в относительной безопасности. О Марине он как-то не подумал – рассчитывал, что у нее все-таки хватит ума вызвать милицию. И в конце концов, Перфилов был уверен, что охотятся за ним, и думать следует прежде всего о себе. В нем внезапно открылся инстинкт конспиратора. С превеликой осторожностью Перфилов спустился на первый этаж и высунул нос на улицу.

Все было как обычно, но в глаза ему бросилась приземистая, ядовито-зеленого цвета машина, которая своими хищными очертаниями напомнила ему летающую тарелку, хотя на самом деле Перфилов никогда в жизни таких тарелок не видел. Машина стояла в отдалении, и рассмотреть номер не было никакой возможности. Но именно на ней сосредоточилось все внимание Перфилова. В этом районе он бывал слишком часто, обыденные уличные подробности прочно отпечатались в его мозгу, как изображение на негативе, и эта машина была в них лишней, он был готов поклясться. Никогда раньше он ее здесь не видел.

В более вменяемом состоянии он, вероятно, сам бы отнесся скептически к таким скороспелым выводам, но теперь они казались ему незыблемо верными, как законы из учебника физики. Да и все дальнейшие события вроде бы подтвердили опасения Перфилова. Минут через десять из подъезда, где жила Марина, вышли три человека – трое темноволосых смугловатых мужчин крепкого телосложения, одетых, как показалось Перфилову, во все черное – они вышли и быстро пошли к зеленому автомобилю. Перфилову не удалось рассмотреть их лиц. Да, по правде говоря, он и не жалел об этом. Спина у него пошла мурашками от какого-то потустороннего ужаса. Он терпеливо дождался, пока зеленая машина сорвется с места и скроется за углом, вышел из подъезда и без оглядки припустил к метро.

Дальше вспоминать, собственно, было нечего. Ни разу больше не вспомнив о Марине, Перфилов провел день еще у одной подружки – непритязательной и ласковой Ленки, продавщицы из косметического отдела, – но и там не нашел покоя. Напившись и разругавшись вдрызг, он пошел бродить по городу, пока наконец нелепый случай в баре не заставил его серьезно задуматься. Только толку от этих раздумий оказалось немного – одна головная боль.

Он вышел на «Войковской» и, прижимаясь к стенам домов, побрел домой. Дождь моросил на его горящее лицо, стекал за шиворот и хлюпал в ботинках. Перфилов почти не обращал на него внимания. Он мечтал об одном – поскорее забраться в постель и хорошенько выспаться. Опьянение прошло совершенно – только тело словно горело изнутри, и голова разламывалась.

Свернув в Старопетровский переулок, где он жил, Перфилов подозрительно огляделся и вдруг увидел метрах в тридцати от своего дома то, что больше всего опасался увидеть, – приземистый ядовито-зеленый автомобиль с черными окнами. Он остановился как вкопанный. Сердце екнуло.

Нет, конечно, в темноте он не мог определить цвет этой машины, но, несомненно, это была она. Перфилова никто не смог бы сейчас в этом переубедить. Его нашли. Перфилов осторожно, шаг за шагом приблизился к своему дому и, напрягая зрение, всмотрелся в полутьму. Ему показалось, что возле его подъезда под дождем маячит человеческая тень. Какой дурак стал бы торчать сейчас под дождем? Для этого должна быть серьезная причина. Этот человек дожидался его, Перфилова.

Перфилов раздумывал около минуты, а потом в голову ему пришла блестящая мысль. Он побежал обратно, нашел телефонную будку и, задыхаясь от волнения, набрал номер своего домашнего телефона. После нескольких длинных гудков в трубке щелкнуло, и автоответчик попросил оставить сообщение. Перфилов с ходу вылепил:

– Ленка, если ты там, то срочно приезжай в Сокольники – я буду ждать тебя возле главного входа. Нужно сказать тебе что-то очень важное!

На этом его фантазия иссякла, Перфилов повесил трубку и, по-стариковски шаркая мокрыми подошвами, вернулся в переулок. Сейчас собственная выдумка уже не казалась ему такой остроумной, как вначале. Он укрылся в подворотне и с некоторым сомнением стал наблюдать за притаившимся в темноте автомобилем. Но через каких-то пять минут произошло то, чего он интуитивно ждал и боялся. От его собственного дома вдруг отделились три тени и в темпе погрузились в свою «летающую тарелку». Зафыркал мотор, автомобиль сорвался с места и, заливая мостовую слепящим светом фар, промчался мимо вжавшегося в холодную стену Перфилова.

Когда затих шум машины, Перфилов дрожащей рукой вытер мокрое лицо. У него и мысли не было, что все это могло оказаться совпадением. «Куда я влип? – с тоской подумал он. – И что мне делать? Идти в милицию бессмысленно. Никто не станет со мной разговаривать. Да и как вообще возможно все это объяснить? Никто не воспримет этот абсурд всерьез. Боже, куда мне идти?!»

И вдруг Перфилов понял куда. Он махнул рукой и, точно слепой, заковылял в глубину чужого двора. «Мария! – подумал он. – Стыдно, конечно, но что делать. Кроме нее, никто не поможет. Все-таки мы родственники. Это единственный выход... Да, это единственный выход».

Глава 2

Старший оперуполномоченный Гуров очень любил свою жену. В каком-то смысле он был не одинок в своем чувстве. Марию Строеву, известную актрису, красавицу, боготворили многие. Впрочем, это было совсем другое. Боготворить иногда проще, чем быть рядом, угадывать желания, прощать мелочи и дурное настроение. У известных актрис мало свободного времени, непростой характер и, что ни говори, свои капризы. Принять это как должное совсем не просто. Гораздо проще восхищаться издалека, из зрительного зала, например. Но Гуров справлялся. Встречу с Марией он рассматривал как неожиданный подарок судьбы, ниспосланный ему на склоне лет, и ни разу еще не усомнился в этом. Наверное, дело было еще и в том, что его чувство не было безответным. Можно сказать, они с Марией нашли друг друга.

Ссоры, а скорее даже размолвки были между ними крайне редким явлением. Когда же такое случалось, обоим выручала работа. В противоречии с расхожими представлениями, работа не разъединяла их, а, наоборот, делала союз прочнее. Театр и уголовный розыск, пожалуй, имели гораздо больше общего, чем можно было предположить. И то, и другое затягивало с головой, побуждало порой забывать обо всем на свете и не давало остыть, сделаться равнодушным, замкнуться в самом себе. Да и в отличие от многих им всегда было что порассказать друг другу. Одним словом, их семейной гармонии завидовали друзья и не верили враги.

В то злосчастное утро враги могли вволю позлорадствовать, потому что, против обыкновения, началось оно в доме Гурова с напряженного разговора, грозившего перейти в серьезную ссору. Самое неприятное было в том, что начала разговор Мария, а Гуров оборвал ее, толком даже не выслушав – происшествие в их совместной жизни совершенно необыкновенное, можно сказать, из ряда вон выходящее, расстроившее до глубины души обоих.

После короткой словесной перепалки Гуров удалился бриться в ванную, оставив растерянную, побледневшую жену в одиночестве. Удовлетворения такая ситуация ему не принесла – совершенно наоборот. С отвращением рассматривая свое хмурое лицо в зеркале, Гуров на все корки ругал себя за несдержанность, подозревая, что с его легкой – или, скорее, тяжелой руки – их счастливая жизнь дала серьезную трещину.

Причина, вызвавшая у него такую бурную реакцию, показалась ему слишком серьезной, чтобы промолчать, но теперь, высказавшись, Гуров совершенно ясно видел, что обсуждение именно серьезных вопросов совсем необязательно проводить раздраженным тоном. Вернее, подобного не должно быть в принципе, а его собственное поведение ничем оправдать невозможно – ни усталостью, ни разочарованием, ни служебными проблемами, потому что Мария не имеет отношения ни к одной из них.

Да, несомненно, дело в нем самом. Неожиданную просьбу Марии, которой она огоршила Гурова с утра, можно считать нелепой, но в мире существуют разные точки зрения. В конце концов, его жена не носит погон и не давала присяги, и взгляд ее на жизнь и человеческие отношения изначально должен отличаться от его собственных – как любят выражаться дикторы телевидения, «по определению».

Да и так ли нелепа была ее просьба? Он ведь толком даже не успел в нее вникнуть. У какого-то дальнего родственника Марии возникли неприятности с законом, и она просила ему помочь. Разумеется, Гуров и мысли не допускал о том, что он даже теоретически способен «отмазать» человека, преступившего закон, будь тот хоть родственник, хоть сердечный друг, но ведь он даже не ухватил суть проблемы. Ведь человек мог стать жертвой обстоятельств, минутной слабости, чьих-то интриг. И само преступление необязательно подразумевало нечто чудовищное, не заслуживающее никакого снисхождения. Нет, если кто и повел себя в этой ситуации нелепо, так это сам Гуров. Мудрый и сильный человек – а именно таким считают Гурова окружающие его люди – сначала выслушивает собеседника.

Наверное, он начинает сдавать, с грустью подумалось Гурову. Его стало гораздо проще, чем раньше, выбить из колеи. И это при его репутации самого выдержанного и рассудительного сыщика во всей системе МВД! Нужно срочно брать себя в руки, пока болезнь еще в самом начале. Всегда есть какие-то волевые ресурсы. Полковник Гуров не имеет права распускаться.

Трудно было даже сказать, что так возбудило его сегодня. Неужели вчерашнее убийство? Бесспорно, преступление страшное. Убийство не бывает нестрашным, и неважно, какое оно по счету в твоей практике – а в данном случае еще и довольно странное преступление, потому что в нем не прослеживается четкого мотива, очень мало улик и практически никаких свидетелей. Наверное, это тоже можно считать стрессом, профессиональной вредностью, от которой нет лекарства. И еще имелось одно обстоятельство, которое мешало Гурову воспринимать ситуацию адекватно – по сути дела, ни он, ни его друг и коллега Крячко не должны были заниматься этим убийством. Об их подключении настоятельно просил следователь прокуратуры Балувев – видимо, сразу почуял, что следствие запросто может зайти в тупик. И решил на всякий случай подстраховаться. К удивлению Гурова, на этот раз начальство договорилось между собой без особого напряжения, и их вместе с Крячко включили в следственную бригаду.

В Сокольниках была убита молодая красивая женщина. Ее прикончили прямо на пороге собственной квартиры. Когда это произошло, никто не знал – соседи ничего не замечали до тех пор, пока в середине дня один из них не обратил внимание, что дверь в квартиру Марины Станиславовны Гловацкой – так звали погибшую – приоткрыта. Она была приоткрыта и тогда, когда этот сосед, пенсионер Куракин, спускался в магазин за хлебом, и когда он через час возвращался, поговорив во дворе со стариками. На всякий случай Куракин заглянул в квартиру и сразу же увидел лежащее недалеко от порога тело. Убедившись в том, что женщине уже ничем не поможешь, он немедленно поднял тревогу.

Судя по всему, Гловацкая была убита рано утром. Кто-то позвонил в квартиру, и она открыла – то ли не проверив, кто за дверью, то ли ни в чем своих гостей не подозревая. Эта беспечность стоила ей жизни. Впрочем, у криминалистов сложилось особое мнение относительно двери, и они изъяли для исследования дверной замок, но результатов экспертизы Гуров еще не знал. В квартире было обнаружено множество отпечатков пальцев, но говорить о том, что хотя бы некоторые из них принадлежат убийце, было преждевременно.

Смушал и способ убийства. Не применялось никакого оружия. Убийца был настолько опытен и тренирован, что отправил свою жертву на тот свет голыми руками. На шее Гловацкой остались характерные следы – кто-то нанес ей сильнейший удар в область сонной артерии. Такая причина смерти не часто фигурирует в сводках.

Но самое странное, что в квартире убитой ничего не тронули – ни денег, ни золотых украшений, ни дорогих вещей. Создавалось впечатление, что убийца просто сводил счеты. Было в этом деле еще множество всяких мелких «но», однако Гуров считал, что прежде всего следует начать с личного окружения погибшей и разобраться в ее знакомствах и особенно любовных историях, которые при ее внешности, несомненно, имели место. В сущности, обычная работа, и никаких особых оснований нервничать у Гурова не было. Его личные пристрастия и неудовольствия касаются его одного.

Мрачно орудуя бритвой, Гуров размышлял над тем, каким теперь образом загладить вину перед женой. Так резко они еще никогда не разговаривали, и вполне вероятно, что Мария не захочет делать вид, будто ничего особенного не произошло. Худой мир, говорят, лучше доброй ссоры, но его еще нужно заслужить. И тем не менее ради этого придется сделать все возможное и невозможное. Осознав нелепость своего поведения, Гуров не собирался делать невинный вид – просто нужно было решить, с чего начать.

Пока он решал, отворилась дверь, и в ванную комнату вошла Мария. Гуров опустил руку с бритвой и оглянулся. Мария сделала то, чего он никак не ожидал, – она шутливо потянула его за лацканы пижамы, приникла к нему и с укором сказала:

– Ну что, все еще дуешься, злюка?

Он невольно ткнулся носом в копну ее густых темных волос и оставил на них следы мыльной пены.

– Я тебя испачкал, – сказал он виновато. – А за грубость прости ради бога. Я вел себя непростительно.

– Ты вел себя как неподкупный и суровый служитель закона, – грозно хмуря брови, сказала Мария. – Я сама виновата. Нужно было объяснить толком. Я попыталась выехать на эмоциях. Забыла, что милиционеры шуток не понимают.

– Ну, это уже перегиб с твоей стороны, – улыбнулся Гуров, у которого отлегло от сердца. – Мы всего лишь не любим, когда шутят с Уголовным кодексом. Так что там произошло с твоим двоюродным братом?

– С чего ты взял, что он мне брат? – удивилась Мария. – Генка Перфилов всего лишь сын моей троюродной сестры. Я даже не знаю, как называется подобное родство. Признаться, я даже его мать видела три-четыре раза в жизни. Правда, Генку чаще, потому что в этом плане он иногда проявлял инициативу, и весьма охотно. Дарил цветы к праздникам, то-се... Он человек творческий, можно сказать, публичный, и ему лестно иметь среди знакомых известную артистку Строеву... Он, между прочим, делал мои портреты, и довольно удачно, по-моему. К сожалению, ни один не сохранился – подарила кому-то.

– Интересно, кому это ты даришь свои портреты? – как бы между прочим спросил Гуров и тут же добавил: – Так он художник, этот твой Генка?

– Ну, в каком-то смысле, – кивнула Мария. – Но вообще-то он фотограф. Профессионал.

– Понятно, – сказал Гуров. – И чего же натворил этот профессионал? Какого рода помощь ему требуется?

– Ему нужен сыщик, – ответила Мария.

Гуров поднял брови.

– Гм, требуется сыщик... Довольно неожиданно. Обычно тем, кто влип в какую-то историю, требуется совсем другое...

– Да, он, похоже, влип, – согласилась Мария. – Но во что, не говорит. Хочет признаться тебе. Как профессионал профессионалу. Единственное, на что он намекнул, – это якобы его хотят убить.

– Убить? – удивился Гуров.

– Я тоже не очень в это поверила, – вздохнула Мария. – Дело в том, что надо знать Генку... Он заявился вчера в театр в совершенно ужасном состоянии – бледный, опухший, глаза блуждают. Костюм – будто корова жевала...

– Он пьет? – догадался Гуров.

– В том-то и дело! Поэтому я сомневалась, сказать тебе или нет. С пьяных глаз что угодно может примерещиться, верно? Зачем кому-то убивать Генку? Если закрыть глаза на эту его слабость, то милее и безобиднее человека не сыскать. Фотограф он хороший, нашел свою нишу, пользуется спросом... Да и, насколько я знаю, в этой среде как-то не принято избавляться от конкурентов таким варварским способом. Может быть, сейчас что-то изменилось?

– А кроме основной профессии, у него случайно нет других интересов? – спросил Гуров. – Может быть, он влез в какой-нибудь сопутствующий бизнес?

– Не думаю, – покачала головой Мария. – Он бы сказал... Да и не бизнесмен он по натуре. Он свободный художник. Обожает поваляться в постели, выпить, пустить пыль в глаза, любит женщин – и они его, кажется, тоже...

– Может быть, женщина? – предположил Гуров. – Обманутый муж, и все такое?

– Ох, не знаю! – вздохнула Мария. – Но он был очень расстроен. Просто ужасно. По-моему, все это очень серьезно.

– Ну, хорошо, – заключил Гуров. – Если все это настолько серьезно, почему он просто не обратился в милицию? Почему он пошел таким сложным путем?

– Это тебе такой путь кажется сложным, – заметила Мария. – Ты упускаешь из виду, что люди в массе своей не доверяют милиции. А тут все-таки родственник... И еще Генке, похоже, неудобно выкладывать кому попало подробности своей интимной жизни. Он даже мне ничего не сказал.

– А мне, значит, скажет?

– У него нет выхода, – пожала плечами Мария. – По правде сказать, он надеется на тебя как на бога.

– Ну, хорошо, пусть приходит в главк, – согласился Гуров. – Я скажу, чтобы ему выписали пропуск. Как его полное имя?

– Перфилов Геннадий Валентинович, – машинально сказала Мария и тут же добавила: – Дело в том, что я не знаю, как с ним связаться. Он не живет сейчас дома. Околачивается у знакомых и каждый день меняет явку. – Она слабо улыбнулась. – Так напуган. Он должен позвонить мне сегодня в театр.

– Тем лучше, – сказал Гуров. – Я сегодня наверняка задержусь. Как только он тебе позвонит, направь его ко мне. И пусть обязательно меня дождетсЯ, если это для него так важно.

– Для него это очень важно, – уверенно заявила Мария. – Он шарахается от каждой тени.

– Лишь бы это не оказалось белой горячкой, – с некоторым сомнением заметил Гуров. – Это не по моей части.

– Я тоже на это надеюсь, – вздохнула Мария. – Потому что еще неизвестно, что было бы хуже. Беда с этими творческими личностями! В их представлении творчество и водка неразделимы. Сколько творческих порывов погибло на дне бутылки – об этом они не думают...

– Ну, я-то знаю по крайней мере одну творческую личность, которая не имеет пороков, – улыбнулся Гуров. – Но, видимо, эта личность просто счастливое исключение. Будем работать с тем материалом, который есть. Что выросло, то выросло.

– Пожалуйста, отнесись к бедному Генке со снисхождением, – попросила Мария. – Я знаю, ты не терпишь неряшливости и легкомыслия, но ему и так уже досталось... И если все его жалобы окажутся выдумкой, то... Ну я не знаю... Постарайся привести его к нам, что ли... Все равно нужно будет думать, как ему помочь. Я постараюсь найти хорошего психиатра.

– Да уж, психиатр нам не помешает, – согласился Гуров. – Даже в том случае, если у нашего родственника имеются реальные причины чего-то опасаться.

– Ну, не отчаивайся! – ласково сказала Мария. – Может быть, все не так плохо. Мне кажется, ты сумеешь помочь.

Гуров не был в этом уверен, но спорить не стал. Он был страшно рад, что намечавшийся семейный разлад разрешился так скоро и благополучно. Он поехал в главк, дав себе мысленно зарок никогда больше не повторять подобных ошибок. На душе у него стало легко и спокойно, и даже предстоящая встреча с неряшливой творческой личностью уже не раздражала его. Тем более что перспектива этой встречи откладывалась, как он понял, на довольно неопределенное время.

Однако тут Гуров ошибался. Пока он добирался, произошло много событий. Милейший Генка Перфилов успел созвониться с Марией, все выяснить и оказаться у главка раньше Гурова. Когда тот подходил к подъезду, Перфилов уже ждал его, но почему-то не у входа, а на углу. Было очень заметно, что фотограф нервничает. Бутылка пива, зажатая в его правой руке, сильно раскачивалась, грозя расплескать свое содержимое на одежду Перфилова. Как раз в тот момент, когда Гуров собирался окликнуть его, он с грехом пополам поднес ее ко рту и сделал огромный судорожный глоток. Да, должно быть, припекло его здорово.

Как ни странно, Гуров узнал Перфилова сразу. Он вспомнил, что однажды ему приходилось видеть этого человека. Он появлялся в театре на какой-то премьере – с поздравлениями

и цветами. Они даже немного общались, кажется. Впрочем, Гуров не обратил тогда на этого человека внимания. Перфилов был слегка пьян и немного рисовался, а этого сочетания Гуров всегда терпеть не мог. Неудивительно, что он так быстро выбросил дальнего родственника из памяти. Правда, время от времени родственники имеют обыкновение напоминать о себе, в чем Гурову и предстояло теперь убедиться.

Перфилов действительно выглядел неважно. От Марии Гуров знал, что ему тридцать пять лет, но сейчас ему запросто можно было дать больше сорока. Первое впечатление о Перфилове осталось у Гурова совсем другое – когда-то это был круглолицый, румяный и, в общем-то, симпатичный мужчина. Теперь перед ним стоял измотанный, даже изможденный человек в обвисшем костюме и с траурной каймой под ногтями. Серая кожа на щеках была покрыта морщинами. В глазах стояли страх и неуверенность.

Завидев Гурова, Перфилов виновато улыбнулся и как-то осторожно, бочком приблизился. Гуров остановился и на всякий случай спросил:

– Геннадий Валентинович? Я не ошибся? Однако быстро вы! Признаться, не ожидал!

– Да вот подумал, что тянуть? – пробормотал Перфилов, втягивая голову в плечи. – Но если вы заняты...

– Я занят, конечно, но это ничего, – радушно ответил Гуров. – Мы и с вами сейчас разберемся, и с прочими делами тоже. Мы тут как Цезари, понимаете...

Перфилов не отреагировал на шутку. Он терпеливо и даже подобострастно слушал Гурова, но его интересовало прежде всего что-то конкретное. «Да, здорово его припекло! – опять подумал Гуров. – По самое не могу».

Вслух же он сказал совсем другое:

– Ну что же, пойдете в мой кабинет, там и поговорим.

На лице Перфилова появилось озабоченное выражение. Он заговорил, запинаясь и делая длинные паузы:

– Вы знаете, Лев Иванович, я бы предпочел здесь поговорить... Мне, честно говоря, было бы спокойнее... На меня и так уже ваши коллеги косо посмотрели, я потому вот и от входа отошел... Не люблю, когда на меня косо смотрят... Да и дело все-таки личное, я ведь не хочу официально ни о чем заявлять...

Гуров неосторожно вдохнул, и в нос ему немедленно ударил сопровождавший слова Перфилова запах вчерашнего еще, вроде бы водочного, перегара вкупе со свежим пивным. Он непроизвольно поморщился и решил, что действительно нет никакой необходимости тащить этого человека в кабинет по коридорам главка, демонстрируя его по пути всем не в меру любопытным сотрудникам.

– Ну что ж, личное так личное, – легко согласился Гуров, отходя еще немного в сторону, под сень большого дуба. Перфилов охотно последовал за ним. – Давайте выкладывайте вашу проблему.

Перфилов совсем смешался и растерянно замотал головой.

– Я, собственно, даже не знаю, как все это рассказать... – выдавил он из себя наконец.

– А вы все-таки попробуйте, – построжел Гуров. – И очень прошу вас не размазывать кашу по тарелке, потому что у меня много других дел.

– Я понял, – поспешно ответил Перфилов. – Я сейчас же... Я просто не знаю, как все это выразить. Ужасно неловко...

– Вы что-то натворили? – жестко спросил Гуров. – Это что-то серьезное? Если серьезное, то с него и начинайте. Так будет проще, поверьте.

– Гм, дело в том, – замялся Перфилов, не зная, куда спрятать глаза. – Дело в том, что я сам не знаю, что я такого натворил... Я, знаете ли, три дня был, это... в запое. Мало чего помню, – он виновато пожал плечами.

– Но ведь не просто же так вы пришли ко мне? Давайте излагайте! Чего-то вы не помните, но тем не менее какую-то информацию вы хотели довести до моего сведения?

– Да, хотел, – потухшим голосом признался Перфилов. – Только она вам покажется идиотской, наверное... Меня, кажется, хотят убить, Лев Иванович!

Он посмотрел на Гурова, и в глазах его отчетливо читался страх – но не страх смерти, а страх, что ему не поверят.

– Ну, допустим, – кивнул Гуров. – В наше время в этом нет ничего невероятного. Вероятно, вы догадываетесь, кто желает вашей смерти?

– В том-то и дело, что нет! – с отчаянием воскликнул Перфилов. – Я как кретин напился и, наверное, перешел кому-то дорогу. Больше-то чего же? Я вообще-то пьяный не шебутной, Лев Иванович, но кто его знает... В принципе мог и на скандал нарваться.

– Но у вас есть хотя бы какие-то предположения, кому вы могли перейти дорогу? – спросил Гуров.

– Никаких абсолютно, – сознался Перфилов. – Один туман.

Вид у него был совершенно несчастный. Вообще-то Гуров не терпел пьяниц, но все-таки он тоже был русским мужиком и понять кое-что мог. Тем более что сидящий перед ним человек никак не был похож на закоренелого мерзавца. Да и на больного, одержимого белой горячкой, тоже.

– Хорошо, давайте попробуем с другой стороны, – предложил Гуров. – Что навело вас на мысль, будто вас хотят убить? Были какие-то попытки?

– Собственно... – проблеял Перфилов. – Как тут сказать... Да, пожалуй, что были. А главное, я домой боюсь идти. Они там были!

– Кто?

– Трое каких-то типов. Ни одного из них раньше не видел. Смуглые, в черном, такие... решительные. Ездят на большой темно-зеленой тачке. Я на ней их дважды видел, когда немного в себя приходил. Но ни номера, ни марки не рассмотрел. Просто боялся близко подойти... Последний раз они около моего дома стояли. В ту ночь, когда я из запоя вышел. Они меня в квартире ждали. Но я сумел их вычислить и по телефону позвонил. У меня там автоответчик – вот я и наплел, будто стою у входа в Сокольники. У меня расчет был – если они в квартире, значит, клюнут на удочку. Так и вышло! Пяти минут не прошло, а они выскочили, и в машину! Но я, конечно, домой уже не пошел. Вдруг кто-то там остался?

Перфилов невольно увлекся, рассказывая, – глаза его заблестели, и на щеках появился бледный румянец. Но Гуров никак не мог разделить его воодушевления.

– Погодите! – сказал он. – Вы уверены, что люди, которых вы видели, находились у вас в квартире? Вы видели, как они выходили из вашей двери?

Взгляд Перфилова сразу сделался беспомощным. Он развел руками и произнес:

– Я так и знал, что вы мне не поверите! Правда, я их не видел, но я уверен, что они ждали меня. Ну, понимаете... Был такой момент, когда за мной гнались. Кажется, даже стреляли... И потом, когда я был у своей... гм, знакомой, к ней пытались проникнуть в квартиру...

– Стоп-стоп-стоп! – предупредительно воскликнул Гуров. – Вы меня окончательно запутали. Давайте вот что сделаем – вы расскажете все по порядку. Вспомните отправную точку, с которой начались ваши неприятности, и танцуйте от нее – все, что сумеете вспомнить. Только в строго хронологическом порядке и по возможности не пропуская подробностей.

– Я попытаюсь, – послушно сказал Перфилов.

Он уже открыл рот, чтобы начать, как вдруг Гуров заметил выходящего из здания главка Крячко. Стас тоже заметил Гурова и махнул рукой. Для человека несведущего, хотя бы для того же Перфилова, этот жест означал всего лишь приветствие. Для Гурова же было совершенно очевидно, что у Крячко есть к нему важный разговор. Он не успел оглянуться, как Крячко уже подскочил к ним.

– Я извиняюсь! – решительно сказал он. – Но это очень хорошо, что я тебя так быстро нашел! Понимаю, что некстати, но его превосходительство требует тебя к себе срочно. У него там сейчас какой-то чин из прокуратуры, и они хотят задать тебе несколько вопросов по убийству Гловацкой...

– А ты не мог сам ответить на эти несколько вопросов? – недовольно поинтересовался Гуров. – Тем паче что отвечать пока нечего.

– Примерно так я им и сказал, – с серьезным видом сообщил Крячко. – Его превосходительство остался мною доволен и поставил крепкую тройку. Теперь к доске вызывают тебя. – Стас усмехнулся и, ничего больше не говоря, с чувством выполненного долга направился обратно ко входу в главк.

– Трепач. Хоть бы постороннего человека постеснялся, – беззлобно сказал ему в спину Гуров и, обернувшись к Перфилову, предупредительно сказал: – Сожалею, но меня вызывает начальство. Придется вам немного подождать.

Его поразило застывшее, напряженное лицо фотографа – тот явно был растерян и даже шокирован. Неужели он так болезненно воспринял помеху в их беседе? Если так, то для мужчины Перфилов был слишком чувствительным. Это качество в людях Гуров не любил даже больше, чем запойное пьянство.

«Ничего, голубчик, потерпишь! – думал он, направляясь в кабинет генерала Орлова. – Еще неизвестно, у кого вопросы труднее. И вообще, крайне неприятный человек этот Перфилов. В его возрасте стоило бы быть чуточку помудрее. Умудриться натворить что-то и ни черта не помнить! Но ничего не поделаешь – я люблю свою жену, а за любовь приходится платить. Выслушаем Геннадия Валентиновича, никуда не денемся...»

Однако Гуров ошибся. Когда он вернулся от «его превосходительства», Перфилова на месте уже не было. На немой вопрос Гурова ответил Крячко, весело куривший все под тем же деревом:

– Твой собеседник удрал. Я на воздух захотел и, когда выходил, видел, как он драпал. Полное впечатление, что у него живот скрутило не на шутку. Побледнел весь, затрясся... Он у тебя запойный, что ли?

– Выходит, запойный, – рассеянно ответил Гуров. – Только не у меня. Он сам по себе запойный. И давно ушел?

– Да минут пятнадцать как, – ответил Крячко. – А что?

– Не договорили мы с ним, – встревоженно вздохнул Гуров.

– Я вообще так понял, что это твой знакомый, верно? Что-то я раньше его не встречал вроде? Что он вообще за чудака такой? – В Крячко проснулось здоровое любопытство.

– Дальний родственник, – сказал Гуров. – Со стороны Марии. Перфилов Геннадий Валентинович. Чего-то накуролесил по пьянке – теперь сам не поймет что. Просил вот помочь, а сам сбежал... Наверняка уже и след простыл. А ты чего рот открыл-то? Привидение увидел?

Действительно, с Крячко происходило что-то непонятное. Его круглое простецкое лицо вдруг приобрело растерянное выражение, рот сам собою раскрылся, а в глазах появился самый настоящий испуг. Гуров невольно даже оглянулся через плечо.

– Не наблюдаю никаких духов, – недовольно сказал он. – Что ты рожи-то корчишь? Или я так изменился после визита к генералу?

– Как, ты говоришь, фамилия этого родственника? – вместо ответа тихо произнес Крячко.

– Перфилов, – сказал Гуров, настораживаясь. – Геннадий Валентинович. Под судом и следствием не состоял, насколько известно. А что тебя вдруг так смутило? Ты эту фамилию где-то слышал?

Крячко не сразу сумел ответить. Сначала он долго и беспомощно тыкал пальцем в зажатую у него под мышкой папочку и только через минуту наконец выдал:

– Тут результаты экспертизы, Лева. В квартире Гловацкой нашли три сотовых телефона. Теперь установлено, что два из них принадлежали хозяйке, а третий... А вот третий, Лева, принадлежал гражданину Перфилову Геннадию Валентиновичу. Такие вот пироги.

Глава 3

Гуров остановил машину напротив многоэтажного жилого дома в Старопетровском переулке и некоторое время сидел, погрузившись в какие-то, видимо мрачные, мысли и машинально постукивая пальцами по рулевому колесу. Крячко, не проявлявший вначале беспокойства, все-таки не выдержал.

– Ну что ты голову повесил? – сказал он. – И на старуху бывает проруха. Ты же не мог знать результатов экспертизы. Найдем мы твоего Геннадия Валентиновича. Небось не иголка.

– Дело не в этом, – покачал головой Гуров. – Я же говорю – родственник. Я сейчас, когда к Марии в театр забегал, полным идиотом себя чувствовал. Называется, помог человеку! Видел бы ты ее лицо в тот момент, когда я ей все выложил! Родственник, подозреваемый в убийстве, такое хоть кого введет в ошарашивание.

– Представляю! – хмыкнул Крячко и вдруг добавил серьезно: – Только ведь Перфилов не убивал, Лева! Почти наверняка не убивал.

– Спасибо, утешил! – сказал Гуров. – Ты-то откуда знаешь?

– А я видел его лицо, когда с тобой разговаривал, – пояснил Крячко. – Ты-то отвернулся – на меня смотрел, а я видел. Он, когда фамилию Гловацкой услышал, чуть в обморок не свалился. Голову даю на отсечение, для него это было полной неожиданностью. Не знаю, как ему удалось сдержаться.

– Какого же черта он тогда сбежал? – сердито спросил Гуров. – И почему ты мне ничего сразу не сказал?

– Ну, я тоже не семи пядей во лбу, – развел руками Крячко. – Хорошая мысль приходит опосля. Сначала я подумал – мало ли что, может, у мужика отходняк такой тяжелый? Кто же мог поверить в такое совпадение – человек, знавший Гловацкую, сам пришел к нам, да еще, можно сказать, под ручку с Гуровым!..

Гуров покачал головой.

– Шестой десяток разменял, а ума не нажил, – с горечью сказал он, и было непонятно, имеет ли он в виду себя или кого-то другого. – Только я с твоими выводами, Стас, не согласен. То, что смерть Гловацкой для Перфилова новость, еще ничего не значит. Он мог прикончить ее в состоянии глубокого опьянения, а потом все забыть. Это именно такой человек. Мы ему невольно подыграли. Теперь, все выяснив, он будет прятаться от нас до посинения. Знакомых у него много, так что на скорую удачу можно не рассчитывать. А в этой квартире мы его точно не найдем.

– Для чего же мы тогда сюда приехали? – спросил Крячко.

– С чего-то надо же начинать, – резонно заметил Гуров. – Мария никого из его круга не знает. Знает только домашний адрес – вот в этом доме напротив, квартира девятнадцать. Заглянем для проформы. В конце концов, не стоит отбрасывать в сторону и его собственные признания. Он уверяет, что за ним охотились какие-то неизвестные люди. Якобы вламывались в его квартиру, в квартиру его знакомой...

– Так, может, это Гловацкая и была? – перебил Крячко. – Вполне правдоподобно, Лева. И вспомни, как она была убита – профессиональным смертельным ударом. Как хочешь, а твой родственник такой приемчик ни за что не проведет – особенно в нетрезвом виде.

– Пожалуй, ты прав, – нехотя согласился Гуров. – Да и вообще действительно трудно представить Перфилова в роли хладнокровного убийцы, орудующего голыми руками. Ему открыли дверь, а он тут же у порога нанес разящий удар и смылся? Не вяжется! Не тот тип.

– Не тот, – подтвердил Крячко. – А могло быть вот что – искали на самом деле Перфилова, а нашли только любовницу – или кто она ему была... Ну, и чтобы не оставлять свидетеля...

– Могло, – угрюмо сказал Гуров. – Только, значит, это серьезные ребята – зачем им так сильно Перфилов понадобился? Не понимаю! И еще такой момент – получается, что в квартире Гловацкой он был? Раз телефончик нашли. Почему же ему удалось избежать участи хозяйки?

– Может, он не в этот день был, – пожал плечами Крячко.

– Да, как ни крути, а нужно искать самого товарища фотографа, – заключил Гуров. – Чем дальше в лес, тем больше дров, в смысле вопросов, ответить на которые никто, кроме Перфилова, не может. Да и сам-то он, по-моему, больше рассчитывает на то, что кто-то со стороны расскажет ему, что на самом деле случилось. Вся штука в том, чтобы найти его как можно быстрее. А я боюсь, что теперь у него пропало желание с нами встречаться.

– Да, теперь он уверен, что мы повесим на него убийство Гловацкой, – согласился Крячко. – Тем более что он страдает провалами в памяти. Ему теперь мерещатся такие ужасы...

– Найдем-то мы его все равно, – задумчиво сказал Гуров. – Он же в любом случае не профессиональный преступник. Рано или поздно ему придется выйти из подполья. Вот только одно меня смущает – а что, если «люди в черном», про которых он мне рассказывал, – не галлюцинация? Тогда возникает неизбежный вопрос: в чем наш Перфилов перед ними провинился и снята ли эта проблема с повестки дня? Если его по-прежнему ищут, нас могут ждать новые неприятности. Я потому и решил начать с квартиры Перфилова, чтобы убедиться, не заблуждался ли он насчет проникновения в его жилище?

– Выходит, нам тоже придется в это жилище проникнуть? – деловито поинтересовался Крячко. – В таких случаях хорошо бы иметь что-то похожее на прокурорское постановление, Лева...

– Хорошо-то хорошо, – со вздохом ответил Гуров. – Только тут, признаться, во мне разыграли родственные чувства. Хочется пощадить Марию. От того, что мы найдем на квартире Перфилова, будет зависеть, под каким соусом мы подадим эту информацию в прокуратуре. Если Перфилов в каком-то смысле пострадавшая сторона – это одно, а если он наврал – то совсем другое...

– Как будем проникать? – спросил Крячко.

– Как воры, – мрачно сказал Гуров. – С помощью отмычки. Зачем ты задаешь эти неприятные вопросы? Лучше пошарь в бардачке – там должен быть кое-какой инструмент...

Через пару минут они уже поднимались на лестничную площадку, где находилась девятнадцатая квартира. Оба держались с достоинством, вполне официально, на случай возможных осложнений. Но подъезд был пуст и тих, как это обычно бывает в разгар рабочего дня. Все же сначала Гуров несколько раз надавил на кнопку дверного звонка, и, только когда стало окончательно ясно, что за дверью никого нет, Крячко приступил к не вполне корректным действиям. Действовал он споро и быстро, и через несколько секунд они без проблем проникли в квартиру.

Квартира действительно была пуста. И, судя по всему, по крайней мере в течение последних двух-трех дней нога человека сюда не ступала. В спертom воздухе стоял плотный запах прокисших остатков пищи, табака и пыли. Квартира, безусловно, была холостяцкой, но беспорядок, царивший в ней, превосходил все разумные пределы. Проще говоря, все здесь было перевернуто вверх дном – открыты все ящики, все дверцы, перерыта постель, повсюду разбросаны бумаги, кассеты, дискеты, компакт-диски, пленки, фотоаппаратура. По квартире словно пронесся небольшой ураган.

– Та-ак! – задумчиво произнес Гуров, обзоревая последствия разгрома. – Вот мы и попали, на ровном месте и мордой об асфальт! Какие будут предложения?

– Ну, как подсказывает мне интуиция, – хладнокровно ответил Крячко, – здесь действительно что-то искали. Поэтому версию твоего родственничка насчет «людей в черном» отбрасывать, пожалуй, преждевременно. Если только сам хозяин не имеет обыкновения переворачивать квартиру вверх дном, когда пытается найти любимые запонки.

– А я бы хотел подчеркнуть это твое «что-то искали», – сказал Гуров. – Именно что-то! Трудно себе представить, что в поисках самого Перфилова было так уж необходимо выдвигать ящики стола и переворачивать матрац. Конечно, это не значит, что Перфилов был им не нужен. Но он не интересовал их как личность. У него было или есть что-то такое, ради чего эти суровые люди не гнушаются лезть в чужие квартиры и рыться в чужих вещах. По-моему, это логично.

– Да, перед такими доводами онемевает все Министерство юстиции, – заметил Крячко. – Правда, мы вот тоже... не погнушались. Но это ведь между нами, полковник? Надеюсь, вы не трогали дверную ручку своими нервными пальцами?

– Я использовал для этого чистейший носовой платок, – в тон ему ответил Гуров. – Однако возникает следующий вопрос – имеет ли смысл оставаться нам здесь и дальше? Как ты думаешь, у нас есть шанс обнаружить нечто важное, ускользнувшее от глаз налетчиков?

– Мне кажется, такого шанса у нас нет, – покачал головой Крячко. – Тут так все перевернуто, что требуется целая бригада просто для того, чтобы все разложить по местам. Вот пусть этим Балуев и занимается. Тем более что у меня такое впечатление, что ничего тут интересного нет. Чем этот Перфилов вообще занимался? Торговал наркотиками? Держал разбойничью кассу?

– Он фотограф. Творческий человек, – сказал Гуров. – Но это по словам Марии. Она не так хорошо его знала, чтобы за него ручаться. Естественно, я его знаю еще меньше. И если подумать, то знаю с плохой стороны... В пользу Перфилова говорит только одно – он сам захотел встречи со мной. Если бы он держал кассу, он этот момент оттягивал бы до последнего. Кроме того, существует такое понятие, как психологический тип. Ты Перфилова видел. Возможно, он не идеал гражданина, но на преступника-профессионала не похож однозначно.

– Не похож, – согласился Крячко. – Он похож на человека, который в ближайший понедельник идет кодироваться от алкоголизма. Но ты говоришь, что он фотограф?... Может, в этом весь фокус-покус? Может, он что-то не то заснял, Лева?

– Не знаю, – сказал Гуров. – Не ко мне вопрос. Хотя приблизительно я знаю, что он занимался какими-то нейтральными вещами – фотографировал девушек для модельных агентств и прочее в том же духе.

– Значит, занимался порнографией, как сказали бы в добрые старые времена! – заключил Крячко. – Я, конечно, утрирую, но в принципе в этом что-то есть. Может, он какую-то девушку как-то не так заснял? Оскорбил чье-то эстетическое чувство?

Кивая на разгром, Гуров возразил, что не уверен в наличии подобного чувства у столь бесцеремонных людей.

– Одним словом, гадать нечего! – заключил он. – Мы убедились, что опасения Перфилова имеют под собой основания, и этого достаточно. Теперь уходим. Надеюсь, ты сумеешь аккуратно запереть дверь?

– Как будто у меня есть выбор, – проворчал Крячко.

Покинуть квартиру им удалось также без свидетелей. Садясь в машину, Крячко поинтересовался:

– Ну что, в прокуратуру? Или есть еще какие-то мысли?

– Лучше этой мысли не придумай, – ответил Гуров. – Теперь у нас есть все основания требовать обыска в квартире Перфилова. Это человек, который бывал у Гловацкой. Кроме того, он обращался к нам со странными, скажем так, идеями. И вдобавок повел себя еще более странно, если не подозрительно. Думаю, что если в ближайшие два-три дня он не придет сам, имеет смысл объявить его в розыск. Такие люди слишком долго думают, а нам ждать некогда.

– Ты считаешь, что домой он больше не вернется? – спросил Крячко. – Может, имеет смысл покараулить его там?

– Кто его знает, – пожал плечами Гуров. – Если у него есть друзья и подружки, он запросто может перекантоваться у них хоть месяц. Домой он идти побоится однозначно – во-первых,

там его могут накрыть люди в черном, во-вторых, теперь и мы тоже. Думаешь, он этого не понимает?

– Ты думаешь, эти ребята его ждут? – с интересом спросил Крячко. – Думаешь, они где-то рядом?

– Необязательно, – возразил Гуров. – После трюка с телефоном они поняли, что Перфилов не так прост. И они, скорее всего, владеют информацией в гораздо большем объеме, чем мы. Они будут искать его в других местах. Вот еще одна причина поторапливаться.

– Легко сказать, – покачал головой Крячко. – С нами бы кто поделился информацией! У него небось тысяча подружек. И где искать творческого человека?

– В кабаке, конечно, – усмехнулся Гуров. – Мария на это утром намекала. В смысле на приверженность этого круга граждан к горячительным напиткам.

– Да? А ты знаешь, сколько в Москве кабаков? – с грустью спросил Крячко. – Вот и я не знаю. Хотелось бы, конечно, узнать, но это уже из области хрустальных мечтаний.

– Вообще-то я пошутил, – сказал Гуров – Перфилову сейчас не до кабаков, я думаю. Надо связаться с Марией. Хоть что-то о месте его работы она должна знать!

Он достал мобильник и набрал номер театра. После не очень долгих переговоров Марию Строеву все-таки пригласили к телефону. Гуров поразился тому, какой у нее взволнованный голос.

– Не знаю, как тебе и сказать, дорогая, – виновато начал он. – Но тут такое дело...

– Я знаю, – неожиданно сказала она. – Генка недавно мне звонил и все рассказал. Это ужасно. Вы собираетесь его арестовать?

– Постой, что такое он тебе рассказал? – растерялся Гуров. – И почему мы непременно должны его арестовать?

– Не притворяйся, Гуров! – устало произнесла Мария. – Я же говорю, что все знаю. Убита женщина, с которой Генка долгое время поддерживал отношения. Он был в ее квартире в день убийства. Там кругом отпечатки его пальцев. Он это отлично понимает...

– Там не только отпечатки, – машинально заметил Гуров.

– Что это значит? – насторожилась Мария.

– Раскрываю тебе тайну следствия, – невесело пошутил Гуров. – Перфилов забыл у этой женщины свой мобильник.

– Еще лучше! – ахнула Мария и после тяжелой паузы робко спросила: – Ты считаешь, что Генка мог совершить это убийство?

– Я ничего не считаю, – возразил Гуров. – У меня для этого нет пока оснований. Но побеседовать с нашим непутевым родственником я очень желаю. Дело в том, что он сбежал, когда случайно услышал фамилию убитой. А мы со Стасом ничего, лопухи, не заподозрили. Где он теперь прячется?

– Он не сказал, – жалобно ответила Мария. – Я пыталась его убедить, что скрываться глупо, но он уперся как баран. Уверен, что вы хотите повесить на него всех собак. Ему, видишь ли, говорили, что в милиции всегда так делают.

– С таким благодарным родственником остается себя только поздравить, – усмехнулся Гуров. – Он хотя бы обещал еще раз позвонить?

– Ничего он не обещал, – сказала Мария. – Он был не в себе, может быть, даже опять выпил. Он мне с пятого на десятое рассказал все обстоятельства. Он пришел к этой женщине ночью – на взводе, конечно. Вроде бы за ним кто-то гнался. Ну, ты знаешь... Она, судя по всему, не обрадовалась этому визиту. Кому понравится, когда любовник приходит пьяный, закатывает истерику и просит дать еще выпить? Выпить она ему не дала, а под утро, когда он дремал в одиночестве на кухне, входную дверь кто-то попытался открыть. К счастью, Генка это заметил... – Здесь Мария немного помолчала и добавила с осуждением: – К счастью для

него, конечно. Женщину свою, насколько я поняла, он предал. Бросил ее на произвол судьбы и сбежал через балкон.

– Через балкон? – удивился Гуров. – Но там четвертый этаж!

– Этот придурок умудрился перелезть на соседний балкон, – объяснила Мария. – Через чужую квартиру выбрался в соседний подъезд и таким образом спасся. Говорит, что видел людей, которые садились в ядовито-зеленую машину. К сожалению, о бедной женщине эта скотина больше ни разу не подумала. Он, видишь ли, посоветовал ей вызвать милицию!

– Да, тяжелая история! – констатировал Гуров. – Интересно, насколько она правдива?

– Пьяные редко врут, – сказала Мария. – У них это плохо получается.

– Да, у них получается плохо, – согласился Гуров. – Но и у нас с Крячко пока ничего не получается. Без твоего Генки мы не можем двигаться дальше. Может быть, ты припомнишь, где он работает? Хотя бы одно место, куда он продает свои фотографии, ты знаешь?

– Пожалуй, знаю, – подумав, сказала Мария. – Есть такой журнальчик «Копилка». Дешевое чтиво для жен «новых русских», которые сидят дома и изнывают от скуки. Дешевое в смысле содержания, конечно. Полиграфия там отменная. Вот на этот журнал Генка точно работал. Откуда знаю – не помню. Так, врезалось почему-то в память.

– Ладно, это неважно, – сказал Гуров. – Это отлично, что ты вспомнила. У нас теперь есть от чего танцевать. Но я тебя попрошу, если родственник опять позвонит, убеди его ко мне явиться. Или, по крайней мере, дай ему номер моего телефона. И добавь, что милиция не совсем такая, как ее изображают в анекдотах.

– Я попробую, – вздохнула Мария. – А скажи... Дела этого безобразника совсем плохи?

– Дела его будут совсем плохи, если он в самое ближайшее время не явится пред мои светлые очи, – ответил Гуров. – А тебя я очень прошу – не принимай так близко к сердцу чужие, в сущности, заботы. Ты не можешь отвечать за выкрутасы всех своих родственников. Это, между прочим, достаточно взрослый мальчик. С девочками уже всю гуляет. Должен бы отдавать отчет в своих поступках.

– Да, наверное, ты прав, – упавшим голосом сказала Мария. – Все равно на душе скверно. И что толку, что он взрослый? А то ты не знаешь, что мужики до седых волос остаются несмышленишками.

– Ну, это какие мужики! – возразил Гуров. – Например, мы со Стасом...

– Уж вы со Стасом! – скептически отозвалась Мария. – Ладно, мне надо бежать. Если будет что-то новое, я позвоню.

– Значит, так, – сказал Гуров, пряча в карман сотовый. – Сейчас в прокуратуру. Надо накрутить Балуюева – пусть организует обыск в квартире Перфилова. Чем черт не шутит – а вдруг что-то найдет? Ну а мы с тобой займемся моим родственничком вплотную. Знаешь, что он теперь отмочил? Позвонил Марии и раскритиковал МВД – мол, сажаем мы кого попало... И еще рассказал, что был в квартире Гловацкой буквально перед самым убийством. То есть он утверждает, что в ее квартиру пытались войти посторонние люди. А он сбежал через балкон...

– Вот почему ты говорил про четвертый этаж! – заметил Крячко. – Между прочим, когда мы осматривали место происшествия, у меня такая мысль мелькала. Но мимоходом. Высоковато все-таки и далековато, но Перфилова, видно, пьяный бог хранит...

– Не иначе, – согласился Гуров. – Если только все это правда. Одним словом, подробно-сти я тебе по дороге расскажу. А из прокуратуры мы с тобой пойдем в разные стороны. Ты наведаешься в офис, где работала Гловацкая, расспросишь, не замечалось ли в ее поведении чего-то необычного в последнее время. Может быть, мы идем не в том направлении и убили ее совсем по другим причинам. Нам ведь об этой женщине ничего не известно. А я отправлюсь в редакцию журнала «Копилка». Перфилов вроде на них работал. Надеюсь, что там мне о нем смогут рассказать подробнее. Необходимо восстановить, что этот недотепа делал в последние три дня до убийства.

– Хорошо бы сделать это в присутствии самого недотепы, – вставил Крячко.

– Хорошо бы, – кивнул Гуров. – Только он придерживается иного мнения. Теперь он решил прятаться до тех, видимо, пор, пока репутация нашей милиции не изменится кардинально. В представлении, конечно, таких же недотеп, как наш Перфилов. Ждать, во всяком случае, придется очень и очень долго.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала, – заметил Крячко. – Вот увидит свою физиономию на стенде «Их ищет милиция» – сразу в штаны наложит. Прибежит как миленький.

– Если ни в чем серьезном не виноват, – сказал Гуров. – А так – кто знает? И, пожалуй, надо мне договориться с ребятами из технической группы – пусть отслеживают все звонки, поступающие на мой телефон, вдруг этот трус все-таки решится позвонить?

Глава 4

В редакции журнала «Копилка» Гуров пробыл недолго. Его довольно любезно приняли и легко согласились поделиться сведениями о своем внештатном сотруднике. Впрочем, оказалось, что за последний год Перфилов только единожды выполнял задание для «Копилки».

– Скажу вам откровенно, – признался Гурову редактор. – У нас были временные трудности. Финансовые, разумеется. Иных трудностей я просто не признаю. Но эти затруднения спровоцировали временный отток кадров. Перфилов всегда работал только при условии гарантированной оплаты. Я не могу его за это осуждать. Рыба ищет где глубже... Одним словом, наши пути разошлись – уж не знаю, надолго ли. Но если вы хотите найти Перфилова, попробуйте заглянуть в модельное агентство «Фламинго-Вигос». Они сейчас на подъеме, и Перфилов пашет там, я слышал, не покладая рук – портфолио и прочие дела...

Редактор заодно попытался ненавязчиво поинтересоваться у Гурова, по каким причинам уголовный розыск вдруг заинтересовался художественной фотографией, но Гуров не стал удовлетворять его любопытство, а немедленно отправился по указанному адресу и, к полному своему удовлетворению, без особых проблем добился в офисе «Фламинго» приема у заместителя по менеджменту, хотя, судя по некоторой нервозности в поведении господина Фреймана – так звали заместителя, – встреча с представителем власти не слишком его вдохновляла.

Он принял Гурова в просторном светлом кабинете, из окна которого просматривалась симпатичная панорама Краснопресненской набережной. Сам заместитель оказался жизнерадостным мужчиной лет сорока, с румяным лицом, с которого не сходила понимающая улыбка, и черными выющимися волосами, похожими издали на парик из бархата. Он держался нарочито свободно, а в своем казенном гостеприимстве был даже навязчив. Гурову с большим трудом удалось остановить перечисление напитков, которыми хозяин кабинета намеревался потчевать гостя, и направить беседу в деловое русло.

– Благодарю вас, ничего не нужно, господин Фрейман, – решительно заявил он. – У меня очень мало времени, и мне хотелось бы потратить его с максимальной отдачей. Сразу хочу объяснить – претензий к вашему хозяйству никаких не имею. Это чтобы предупредить неверные толкования. Вы, наверное, сейчас гадаете, чем провинилась ваша фирма? Можете успокоиться – меня в данном случае интересует лишь один человек, который делает для вас фотографии. Не знаю, правильно ли я определяю его функции, но надеюсь, вы меня поняли.

– Ага, вас интересует кто-то из наших фотомастеров! – с энтузиазмом вскричал Фрейман, которого, кажется, не слишком-то успокоили заверения Гурова. Во всяком случае, его прищуренные хитроватые глаза смотрели по-прежнему недоверчиво и с иронией. – Должен заметить, у нас их несколько. Трое в штате и еще трое как бы на подхвате, понимаете? Иногда мы им платим, иногда платят спонсоры, которые намерены раскрутить какую-то девочку... Наверное, какие-то проблемы с налогами, верно? Должен сказать, что бухгалтерия нашей фирмы совершенно прозрачна, а что касается как бы личных инициатив со стороны некоторых моделей...

– Я уже предупредил, – сухо сказал Гуров. – Меня не интересует ваша бухгалтерия. Я представляю уголовный розыск. И меня интересует конкретный человек. Фамилия его Перфилов.

– Та-ак! – протянул Фрейман, ероша бархат у себя на голове. – Значит, Перфилов... Наверное, этого следовало ожидать. Люди, которые имеют проблемы с алкоголем, рано или поздно будут иметь их везде. Что натворил этот человек?

– Вообще-то мы договорились, что на вопросы будете отвечать вы, – напомнил Гуров. – Был бы очень признателен, если бы вы придерживались договоренностей.

– Ага, понимаю! – почти радостно воскликнул Фрейман. – Чисто машинально вырвалось. Но что бы вы хотели узнать об этом человеке, что бы знал я?

Гуров невольно усмехнулся.

– Мы не будем говорить о криминале и мрачных тайнах, – сказал он. – Меня интересуют бытовые подробности. В частности – круг знакомых господина Перфилова, его образ жизни, места работы... И еще – когда в последний раз Перфилов появлялся у вас в фирме?

Фрейман откинулся на спинку кресла, задумчиво пожевал пухлыми губами. Он по-прежнему опасался, как бы не ляпнуть невзначай что-то такое, что выставит его в невыгодном свете перед представителем власти. Должно быть, какие-то грешки за ним водились. Поэтому отвечал он осторожно, взвешивая каждое слово:

– Прямо скажу, в личную жизнь людей, работающих у нас, вмешиваться не считаю возможным. Понимаете, мне важно, чтобы человек был профессионалом. Главное – бизнес. Если отвлекаться на всякие мелочи... Перфилов – прекрасный фотограф. Мне этого достаточно, понимаете? То есть меня не интересует – ходит ли он в церковь, на футбол или же в кабак... По этой же причине меня никогда не интересовал круг знакомых моих работников.

– Однако о пристрастии Перфилова к алкоголю вы сами упомянули, – напомнил Гуров.

– Упомянул, да. Некоторые вещи невозможно скрыть, как ни старайся... Но на производственном процессе это почти не отражалось. Перфилов умел собраться в нужный момент, понимаете? Хотя периодически позволял себе расслабиться, и очень крепко, говорят, расслабиться...

– Говорят... – повторил Гуров. – Значит, кто-то здесь знает Перфилова ближе, чем вы?

– Естественно, – кивнул Фрейман. – Приятельских отношений я с ним не поддерживал. Это вам лучше обратиться к Сергею. Это еще один наш фотограф. У них с Перфиловым были общие интересы, и не только в смысле работы, по-моему. Вы можете поговорить с ним прямо сейчас. Я позвоню?

– Да, пожалуйста. Только сначала ответьте на вопрос, который не касается приятельских отношений. Когда Перфилов последний раз появлялся в фирме?

– А, ну да! – будто проснувшись, воскликнул Фрейман. – Как же, конечно! Вот здесь у меня даже записано – Перфилов, пятнадцатого сентября. Он был здесь, но очень недолго. Получил гонорар и смылся. Когда он срывал куш, то обычно день-два предавался, как он выражался, «вакхическим пляскам». Но теперь его что-то уж долго не видно... – Тут Фрейман исподволь взглянул на Гурова в надежде, что тот все-таки хотя бы жестом прояснит причины такой невидимости, но Гуров сделал вид, что ничего такого не заметил.

– Не заметили, какое у него было настроение? – спросил он.

– Настроение! – снисходительно отозвался Фрейман. – Лучше вспомните, какое у вас бывает настроение, когда в кассе дают бабки. Приподнятое было у него настроение, уверяю вас. Более чем.

– Вы уверены? Может быть, вы ошибаетесь? Припомните! Не показался Перфилов вам в тот день озабоченным, встревоженным?

– Что вы мне будете говорить! Перфилову не о чем было тревожиться. Признаться, я вообще не помню, чтобы он о чем-то тревожился. Не такой это был человек.

– Значит, пятнадцатого сентября Перфилов ни о чем не беспокоился, получил деньги и ушел, – констатировал Гуров. – Куда он отсюда направился, не знаете?

Фрейман развел руками, а потом потянулся за телефоном.

– Я все-таки приглашу Сергея, – доверительно сказал он. – Тот лучше ответит на ваши странные вопросы, если на них вообще в принципе можно ответить, господин полковник.

Глава 5

– Не огорчайся, лапуля! – донесся из ванной сочувственный Ленкин голос. – Ты ни в чем не виноват. Тебе просто надо хорошенько отдохнуть. Мужчины ужасно нежные существа! Любая неприятность выбивает их из колеи. Не бери в голову!

Перфилов услышал, как с шумом обрушилась на дно ванны вода, и подруга, напевая что-то вполголоса, начала плескаться под душем. Он скорчил кислую рожу и с отвращением посмотрел на свой голый дряблый живот и на то, что располагалось несколько ниже и, по идее, должно было составлять его гордость, а сегодня явилось причиной бесконечного позора. Он только что попытался заняться с Ленкой любовью, но потерпел сокрушительное фиаско. Он ничего не смог. Такое случилось с ним впервые в жизни.

Ленку он выбрал после долгого и мучительного раздумья. Разумеется, имелись и другие варианты – можно было отсидеться несколько дней в месте и поинтересней, но в конце концов Перфилов остановил свой выбор именно на Ленке. Она была добра, отзывчива и неприхотлива. Правда, у нее имелось множество недостатков, которые могли порой довести до белого каления – она была наивна, как ребенок, обожала кроссворды и песни группы «Руки вверх», могла за один присест съесть кило конфет и звала всех мужчин «лапулями» – но деваться было некуда. О связи Перфилова с Ленкой знали очень немногие. Можно сказать, не знал почти никто, и это было огромным преимуществом. Во всех прочих местах, где он привык бывать, его могли запросто разыскать. Не сразу, конечно, но ему вряд ли станет легче, если преследователи задержатся на день-другой.

Перфилов со стоном откинулся на подушки и натянул на себя одеяло. В какую такую историю он влип? – сверлила голову мысль. Теперь еще Марина! Он едва не упал в обморок, когда услышал про это убийство. Ужас! Ужас, который окружает его со всех сторон. Марину, конечно, до слез жалко, но она сама виновата – ведь он ей велел сразу вызвать милицию, а она заупрямилась по своей бабьей привычке, и вот результат. А ведь задержишься он еще на минуту, и его бы изуродованный труп рядом с телом Марины... Мысль об этом леденила душу.

Но какой он лопух – выходит, он там забыл свой мобильник! Кто теперь поверит, что не он убийца? Ведь, чтобы доказать обратное, нужно поймать настоящих убийц. Будто кому-то нужно этим заниматься! Вот он – кандидат на нары, тепленький, без алиби, да еще сбежал от оперуполномоченного. Лучшего варианта и не придумаешь.

Наверное, не стоило этого делать, но Перфилов в тот момент был не в себе и напуган до смерти. Хотя, с другой стороны, инстинкт его один раз уже выручил. Этот Гуров, допустим, родственник, но уж настолько дальний, что смешно думать, будто он будет подставляться из-за практически чужого человека. Нет, правильно он сбежал. Он будет ждать и действовать через Марию. Она все-таки какая-никакая его тетка, женщина, и актриса известная. На нее только и надежда. Пусть уговорит своего мужа настоящих убийц найти. А то привыкли они в милиции чужими руками жар загребать.

Шум воды в ванной внезапно оборвался, и совершенно обнаженная, мокрая и соблазнительная Ленка появилась на пороге комнаты, вытирая голову полотенцем. Перфилов посмотрел на нее почти с отвращением.

– Я сейчас должна уйти, лапуля! – неожиданно сказала Ленка. – Мне нужно к Наташке съездить. У нее беда. Ее кавалер триппером наградил. А она на четвертом месяце, представляешь? То есть она сейчас вообще никакая. То ли на аборт идти, то ли руки на себя накладывать. У нее ведь и прописки настоящей в Москве нет. А домой возвращаться не хочет. Говорит – лучше сразу в петлю. Надо ее поддержать. Морально.

Она встряхнула сырой гривой и простодушно посмотрела на угрюмо молчащего любовника.

– А ты, лапуля, разве не пойдешь сегодня домой? – спросила она.

– О, черт! Я же тебе сразу сказал, что мне нужно пожить у тебя пару дней! – в раздражении сказал Перфилов. – Неужели так трудно понять простую вещь? И я сто раз тебе говорил, не зови меня «лапулей»!

– Я поняла, – хлопая глазами, сказала Ленка. – Только я думала, что ты пошутил, лапуля. Ведь ты никогда у меня не оставался раньше.

– А вот теперь останусь, – заявил Перфилов.

Ленка озадаченно нахмурила лоб и машинально завернулась в полотенце. После короткого раздумья она виновато сказала:

– Я не знаю, лапуля. Может, тебе все-таки лучше домой пойти? Я ведь не знала, что ты так неожиданно появишься. Тем более что мы совсем недавно разругались с тобой вдрызг, с пьяным... Ты сказал, что вообще знать меня не хочешь... Ну и это...

– Что ты мямлишь? – вскипел Перфилов, едва не выпрыгивая из постели. – Говори, что хочешь сказать, и не тяни душу!

– Ну что ты сердишься? – рассудительно заметила Ленка. – Есть вещи, которые говорить неудобно... Все-таки ты мне не чужой, правда?

– Я тебе не чужой, но в трудную минуту ты меня выгоняешь из дома! – саркастически вскричал Перфилов. – Прекрасно! Вот она, бабья логика!

– Я же говорю, что не знала, – уже с обидой ответила Ленка. – Я думала, у нас с тобой все кончено. Ты так ужасно на меня орал тогда... Даже матом. Короче, Гена, я познакомилась с одним человеком. И сегодня вечером он должен прийти ко мне в гости. Не могу же я встречать мужчину, когда у меня дома еще один мужчина!

– Почему это не можешь? – враждебно спросил Перфилов. – Очень даже прекрасно можешь. Мне, между прочим, нет до этого никакого дела. Даже не собираюсь вам мешать. Можете хоть танцы при луне устраивать. В голом виде. Мне наплевать.

– Тебе, может быть, наплевать. – В глазах Ленки уже стояли слезы. – Я, между прочим, сразу поняла, что тебе вообще на меня плевать. Зачем только я слушала тебя, дура?... А кое-кому очень даже не наплевать, Гена! Я, может, мечтаю свою личную жизнь устроить? И мне совсем неинтересно, чтобы ты все разрушил!

– Хм, личную жизнь! – несколько смущенно сказал Перфилов. – Устраивай, пожалуйста! Я не против. Но ты пойми, я же не из каприза тебя прошу. У тебя личная жизнь на уме, а мне просто жизнь спасти надо. Меня убить хотят, понятно тебе?! А ты мне в спасении отказываешь! Это вообще-то подлость называется!

Ленка от неожиданности даже открыла рот и несколько секунд разглядывала Перфилова, точно вдруг обнаружила, что в ее постели лежит совсем не тот человек, которого она ожидала увидеть. Но реакция ее была еще более неожиданной и исключительно неприятной для Перфилова. Она вдруг неуверенно рассмеялась и сказала:

– Тебя хотят убить? Ну и дела! Видно, ты кому-то крепко насолил, Гена! Жenu какого-нибудь крутого трахнул? Сочувствую! Тут, конечно, всякое хотение пропасть может – ничего удивительного. Но я-то тут при чем, Гена?

Перфилов испугался. Он даже сел и почти умоляющим тоном проговорил:

– Но ты же человек, Ленка! Ты женщина! Ты же чуткая и добрая! Ты сама говоришь, что я тебе не чужой. Как же ты так? Меня ведь прикончат – ты никогда этого себе не простишь! Я просто тебя прошу! Ну, хочешь, на колени встану?

При этих словах Ленка, к его неудовольствию, прыснула, но, быстро подавив улыбку, сказала:

– Не надо на колени. Но, между прочим, мне обидно, Гена! Думаешь, я не вижу, какими глазами ты на меня смотришь? Я для тебя так, эпизод. Наивная дурочка, которая развлекает тебя по пятницам. А в другие дни недели ты находишь женщин поприличнее, так ведь?

– Да не было никаких женщин, клянусь тебе! – почти завыл Перфилов. – Что ты выдумала?

– Да ты сам мне рассказывал, – хладнокровно заметила Ленка. – Когда пьяный был. Перфилов дернул себя за волосы и застонал.

– Ну я не знаю, как тебя уговаривать! – безнадежно сказал он. – Но так и знай – я никуда отсюда не уйду! Хоть что делай. Мне все равно. Запрусь в ванной и не выйду. Мне еще пожить хочется.

Ленка спокойно посмотрела на него и отошла к платяному шкафу. Открыв дверцу, она буднично сказала, рассуждая вслух:

– Не знаю, что надеть. Думала, что-нибудь поярче, но вроде неудобно – у Наташки настроение похоронное... А в черном тоже как-то глупо. Типа намек, да? Как ты думаешь, вот это синее платье – по-моему, хорошо будет?

Перфилов смотрел на нее глазами затравленного лося и ничего не отвечал. Ленка достала платье и прикинула к своей фигуре.

– Между прочим, растолстела я, – пожаловалась она. – На целый килограмм поправилась. Подруга шейпингом зовет заниматься. Думаю, может, и правда?.. Только дорого это. Одно занятие знаешь сколько?.. – Она вдруг обернулась и добавила, предупреждая: – Я, Гена, не из стервозности, как другие бабы, но ты учти, что мужчина, который ко мне придет, он в охране работает и карате серьезно занимается. Какой-то у него там пояс. И он очень горячий. Он тебя покалечить может, а мне этого совсем бы не хотелось.

– Час от часу не легче! – плачущим голосом сказал Перфилов. – Вы все стоворились, что ли? И что это за наваждение такое? Ну, я не знаю, ну скажи этому своему костолому, что я твой брат, что ли!.. У тебя брата не может быть, что ли? Приехал погостить из Орехова-Зуева...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.